

Е. А. Кайсаров³

ПРОСТРАНСТВЕННО-ПЛАСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПЕТЕРБУРГА КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Петербург создавался как символ новой империи, мост между Востоком и Западом, традицией и инновацией. И он сполна реализовал все поставленные задачи, объединяя, транслируя множество разнообразных культур. Сам город стал воплощением диалога культур. Диалог — это такая форма отно-

шений разных культур, в котором дух Целого возникает и прокладывает себе дорогу сквозь различия культур. Если говорить о культуре Петербурга, то в ней наиболее диалогична пространственно-пластическая среда города. Д. С. Лихачев в актовой лекции «Петербург в истории русской культуры», прочитанной в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, отмечал, что «...Петербург как город не просто европейский, он явно русско-европейский город. Петербург и чрезвычайно

³ Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент.

европейский, и чрезвычайно русский. Поэтому он отличается и от Европы, и от России»¹. В формуле Д. С. Лихачева «русско-европейский город» выражена суть диалога культур, нашедшего свое выражение в пространственно-пластической структуре города.

Петербург формировался как город нового типа — регулярный город. Регулярные планировочные схемы городов столь же древние, как и свободные нерегулярные. Еще в Египте во II тыс. до н. э. строились города с геометрически правильной сетью улиц, например Кахун. Однако подлинными создателями прямоугольной планировочной системы в городах европейского материка были греки, прежде всего в лице Гипподама из Милета, который не только перепланировал несколько портовых городов на основе регулярных принципов (Милет, Пирей, Родос), но и оставил теоретическое сочинение, упоминаемое Витрувием. В дальнейшем регулярная, так называемая гипподамова планировка широко распространилась в градостроительстве эпохи эллинизма. Решающие шаги к последовательной регулярности были сделаны лишь в эпоху Возрождения, когда принципы геометризма получили глубокое теоретическое осмысление и воплотились в многочисленных проектах городов. Идеалом Петра I был регулярный, компактный город европейского типа. Сложная обстановка внутри и вне государства, отсутствие материальной и кадровой базы, необходимой для регулярного строительства, привели к тому, что будущая столица развивалась без необходимого надзора, естественным путем. Застройку Петербурга первых лет (1703–1710) можно назвать естественной, иррегулярной, похожей на застройку средневековых русских городов. Петербург начинает строиться на юго-восточном берегу Березового острова рядом с крепостью. Эта территория застраивается традиционным способом — слободами, образование которых происходило по различным признакам: профессионально-производственному, национальному, социальному, переселенческому, воинскому. На острове находилось до 15 слобод. Каждая из них представляла собой отдельный мир со своими особенностями быта, культуры и архитектуры. Здания приходилось возводить из дерева, так как кирпича и камня производилось очень мало. Чтобы деревянные дома как-то походили на западноевропейские, их раскрашивали под кирпич и украшали замысловатыми шпилями. Улицы рождающегося города не имели четких границ. Все это типичные атрибуты древнерусских городов. На Березовом острове ситуация сразу же стала неуправляемой. Не было готового плана застройки, и она возникала спонтанно, хаотично. Не хватало сил строить на болоте «идеальный город»: нужно было укрепиться в устье Невы. В 1709 году был достигнут коренной перелом в ходе Северной войны. Это обеспечило безопасность будущей столице и позволило Петру уделять больше внимания своему городу, строить его в соответствии со своим идеалом. Регулярность становится основным эстетическим критерием: вынесение домов на красную линию улиц, их прямизна, точное опреде-

ление размеров зданий, ширина набережных, площадей, унификация фасадов в соответствии с разработанными Д. Трезини типовыми проектами домов для лиц разного достатка. Прямоугольный квартал как главный компонент планировочного решения застройки Васильевского острова и непрямоугольную слободу Петроградской стороны можно считать символами диалога средневековой русской культуры и западноевропейской культуры Нового времени в пространственно-пластической структуре Петербурга, результатом которого стал своеобразный и неповторимый «русско-европейский город» как самостоятельное и крупное явление. Понять его можно лишь из внутренней логики его собственного развития.

Существенные коррективы в принцип «регулярности» вносил объективный фактор — необходимость согласования застройки со структурой природной среды, в которой определяющую роль играла Нева и ее притоки. В результате, прокладывание улиц и рытье каналов пришлось подчинять их рисунку, а не первоначально задуманной линейности. «Так, структурообразующим принципом города на Неве, — утверждал М. С. Каган, — стал не известный ни Амстердаму, ни Венеции, ни Парижу, ни Лондону, служившим Петру изначальными моделями его творения, “рисунок” *живой Природы*, в противоречивой связи с которым должны были находиться действия преобразующего природу *человеческого Разума*»². Пластическим эквивалентом противоречивого единства рационального и эмоционального начал стал завершенный в первой половине XIX века творчеством К. И. Росси архитектурный образ города.

Генетически с диалогом культур связан принцип ансамблевости в градостроении Петербурга. Слово «ансамбль», буквально означающее «совместность», в Петербурге приобрело более конкретный смысл — «целостное единство разнородных элементов». Если в застройке Москвы он не имел решающего значения (показателен облик Кремля с хаотическим нагромождением башен, храмов, Большого Кремлевского дворца К. А. Тона, Дворца съездов), то Петербург изначально формировался как целостная композиция. Архитекторы должны были ориентироваться на предшествующую застройку города. Гениальность петербургских архитекторов А. Д. Захарова, А. Н. Вороникина, Ж.-Ф. Тома де Тона, К. И. Росси не только в ярком, индивидуальном пространственно-пластическом мышлении, но еще и в том, что каждый из них тонко ощущал сложившийся до него и развивающийся при нем образ города как единого целого и стремился органично вписать в это целое свои творения. Как отмечал М. С. Каган, здесь сокрыта главная тайна обаяния Петербурга: завершавшие процесс формирования его образа ампирные строения не обособливались и не отрицали их, а вступали с ними в диалог как равные с равными, но другими по строю выраженного в них мироощущения и пластическому языку³. На этой основе складывались ансамбли Дворцовой площади (диа-

¹ Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 265.

² Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. СПб., 2006. С. 307.

³ Там же. С. 315.

лог ампириного Главного штаба и барочного Зимнего дворца), Стрелки Васильевского острова (диалог здания Двенадцати коллегий и величественного периптера Биржи) и многие другие ансамбли города. Сложившийся пластический образ города не разру-

шался при переходе к новому способу строительства и типу художественного мышления, а сохранял цельность, лишь расширяя заложенный в нем принцип единства в многообразии, то есть пространственно-пластической гармонии.